

УДК 821.161.1

Н. А. Рудикова

«РУССКИЙ ПАРИЖАНИН» ВАСИЛИЙ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН

Рассматривается образ Парижа в творческом сознании Василия Львовича Пушкина, выявляются особенности восприятия им столицы Франции и французской культуры. Поэт и родственник А. С. Пушкина представляет новый тип сознания русского дворянина, не преклоняющегося слепо перед всем иностранным, а самостоятельно осмысляющего достижения европейской культуры.

Ключевые слова: *межкультурный диалог, франкомания, образ Парижа, идеи Просвещения, оппозиция «свое-чужое».*

Василия Львовича Пушкина считали типичным галломаном. Он получил основательное домашнее французское воспитание, с восемнадцатилетнего возраста выезжал в свет, сочинял французские куплеты и эпиграммы, прекрасно владел французским языком, любил французскую литературу и всегда следил за парижскими новинками в области искусства и моды.

Начиная с XVII в. влияние французской культуры в разной степени испытали все европейские народы. По словам Н. В. Гоголя, «Париж сделался всемирною столицей, куда съезжались со всей Европы, и французский язык, французские нравы, французский этикет и обычаи распространились по всей Европе» [1, с. 44]. Однако нигде процесс заимствования французских достижений не был столь стремительным, как в России. Менялись правители и международная ситуация, но монополия французской культуры в России оставалась неизменной. В связи с этим распространилось такое явление, как «российская галломания». Правила французской обходительности, французская литература и французский язык приобретали в России статус канона. Существовали попытки борьбы с галломанией вследствие патриотических настроений России во время наполеоновских нашествий. Однако для русских дворян отказаться от французского языка и культуры было непросто, поэтому российское общество и после пожара в Москве, и после взятия Парижа продолжало пользоваться достижениями французского искусства и быта.

Благодаря любви ко всему французскому Василий Львович в светских кругах заслужил славу «парижского щеголя». Однако его следует назвать скорее не «галломаном», а «франкофилом», так как второе определение не имеет отрицательной коннотации. В. Пушкин действительно любил все французское, однако не преклонялся рабски перед достижениями французской цивилизации, а, следуя идеям Просвещения того времени, старался получить от другой культуры все самое лучшее, оставаясь при этом верным своему отечеству. С теми же установками он отправился в 1803 г. в европейское путешествие, за два года побывав во Франции, Германии, Англии. Но главной его целью, безусловно, был Париж – город

городов, столица мира. По случаю поездки Василия Львовича было сочинено шуточное стихотворение И. И. Дмитриева «Путешествие N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия»:

Друзья! сестрицы! Я в Париже!

Я начал жить, а не дышать!

Садитесь вы друг к другу ближе

Мой маленький журнал читать:

Я был в Лицее, в Пантеоне,

У Бонапарта на поклоне;

Стоял близехонько к нему,

Не веря счастью своему [2, с. 248].

Стихотворение было написано во время путешествия поэта, но Дмитриев, показывая заранее переживаемый восторг В. Пушкина перед Парижем, хотел усилить юмористический эффект и подчеркнуть его известную французанию. По словам А. С. Пушкина, в этом стихотворении «с удивительной точностью изображен весь Василий Львович» [3, с. 93].

В. Пушкин ехал в Париж без особого назначения и цели, в политических перипетиях он не слишком стремился разобраться. Он знакомился с французской столицей по стопам Н. М. Карамзина. Перед отъездом московские друзья дали ему полезные указания, какие места нужно было посетить в первую очередь, а Карамзин накануне поездки провел с ним целый день. И не случайно в «Письмах русского путешественника» и в «Письме русского путешественника из Парижа от 12 сентября 1803 г.» В. Пушкина можно обнаружить немало совпадений: посещение Версаля, Трианона, парижских спектаклей, училища глухих и немых и метафизика Сикара. Хотя в оценках писателей есть некоторые различия, например, в описании сада Трианона. Эти расхождения, вероятно, связаны со временем посещения авторами этой парижской достопримечательности. Карамзин пишет о Трианоне с восхищением: «Сад Трианона есть совершенство садов английских; нигде нет холодной симметрии; везде приятный беспорядок, простота и красоты сельские» [4, с. 411]. У В. Пушкина мы встречаем не столь восторженное описание: «Там, где все украшалось некогда присутствием Марии Антуанетты, видны теперь меланхолические развалины! Ресторатор живет в ее комнатах. Трианонские воды обратились в луга;

где прежде ловили рыбу, там косят сено. Грот, хутор, хижина существуют и ныне, но все близко к разрушению» [5, с. 207]. Кровавые события французской революции, и в первую очередь казнь короля и королевы, безусловно, повлияли на восприятие В. Л. Пушкина.

Однако у писателей-путешественников сложилось одинаковое впечатление о характере французов. Карамзин отмечает следующие черты француза: «... столь мила его обходительность и столь удивительны его тонкие соображения в искусстве жить с людьми! Сие искусство кажется в нем любезною природою. Никто, кроме его, не умеет приласкать человека одним видом, одною вежливою улыбкою» [4, с. 438]. В. Л. Пушкин вторит ему: «Французы ласковы и любят иностранных» [5, с. 206].

Благодаря своему собственному характеру, которому были присущи простота, мягкость, остроумие, Василию Львовичу удалось завести во время путешествия немало знакомств. В его письмах Париж предстает в первую очередь через персонифицированную среду, которая сложилась у поэта во время его путешествия. Он был на приеме у Наполеона и Жозефины, познакомился с писательницей Жанлис и госпожой Рекамье, подружился с аббатом Сикаром, поэтами Дюссом и Делилем, критиком Жоффруа, брал уроки у знаменитого трагика Тальма. Помимо того, что В. Л. Пушкин узнал город через личные знакомства с парижскими деятелями, он посещал Версаль, театры, музеи и Национальную библиотеку. Рассказывая обо всем увиденном, он знакомил читающую публику с материальной и духовно-культурной сферой города. Василий Пушкин восхищается в Париже всем: произведениями искусства, спектаклями, периодикой, садами, французской нацией. В его письмах нет неоднозначных оценок, свойственных Карамзину, он преклоняется перед французской столицей.

П. А. Вяземский оставил интересные сведения о Василии Львовиче, который только что вернулся из Франции: «Парижем от него так и веяло. Одет он был с парижской иголки с головы до ног; прическа? la Titus, углаженная, умащенная huile antique» [6, с. 29]. Однако из путешествия В. Пушкин привез не только новинки в области моды, но и отлично подобранную, ценнейшую библиотеку латинских, французских и английских авторов, о которой И. И. Дмитриев также упомянул в своем стихотворении:

Какой прекрасный выбор книг!
Считайте – я скажу вам вмиг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Виргилий,
Весь Шекспир, весь Поп и Гюм;
Журналы Аддисона, Стиля...
И все Дидота, Баскервиля!
Европы целой собрал ум! [2, с. 250]

Следуя требованиям эпохи, В. Л. Пушкин руководствовался идеями Просвещения. В стихотворении

«К Д. В. Дашкову» (1811) он сформулировал свое убеждение, что не стоит негативно воспринимать все чуждое родной культуре. По его мнению, «свое» может быть осознано как таковое только на фоне «чуждого», и наоборот, «чуждое» может по-новому восприниматься через призму «своей» культуры. Он ревностно доказывал, что необходимо стремиться к новым знаниям:

Ученым быть не грех, но грех во тьме ходить:
Невежда может ли отечество любить?
Не тот к своей стране усердие питает,
Кто хвалит все свое, чужое презирает,
Кто слезы льет о том, что мы не в бородах,
И, бедный мыслями, печется о словах!
Но тот, кто, следуя похвальному внушенью,
Чтит дарования, стремится к просвещенью [5,

с. 139–140].

Русский человек, с точки зрения В. Л. Пушкина, – это человек просвещенный, соединяющий в себе одновременно российскую ментальность, знание родного языка и культуры и европейскую образованность, открытость к другим культурам и языкам. Позднее знаменитый племянник В. Л. Пушкина будет не только разделять мысли своего дяди, но и следовать им в своих культурных ориентациях [7].

Однако Василий Львович стремился и к межкультурному диалогу. Он хотел не только получить знания, но и познакомить французов со своей культурой; поэтому, будучи в Париже, он перевел на французский язык несколько старых русских песен. Эти песни были напечатаны в «Mercure de France» в 1803 г. (т. XIII, № 111) под заглавием «Chansons traduites du russe» с указанием, что перевод принадлежит M. Wassily de Pouchkin. Тексты русской народной поэзии в иностранных журналах конца XVIII – начала XIX в. были явлением весьма редким, и Василий Львович стал одним из первых, кто предпринял попытку познакомить французскую публику с русским народным творчеством. Свидетельством важности этого события в межкультурном диалоге Франции и России может быть предисловие редакции, предваряющее текст перевода В. Л. Пушкина:

«M. Wassily de Pouchkin, litterateur russe tres-distingue, vient de nous adresser quelques chansons qu'il a traduites de la langue de son pays; elles nous ont paru renfermer des idees originales, et elles peuvent servir a faire connaitre l'esprit de la nation ou elles ont ete composees. Nous croyons devoir en mettre quelques fragments sous les yeux de nos lecteurs» [8, с. 263].

«Месяе Василий Пушкин, выдающийся русский литератор, представил нам несколько песен, которые он перевел со своего родного языка; нам показалось, что они таят в себе самобытные понятия и могут помочь познакомиться с духом страны, в которой они были созданы. Мы считаем необходимым представить нашим читателям некоторые из них» (перевод мой. – Н. Р.).

В журнале были представлены четыре песни, которые в русском варианте звучат как «Ты воспой, воспой, млад жаворончик», «Ах ты сад ли мой садочек», «Как доселова у нас братцы через темный лес» и «На восход красна солнышка». Для того чтобы оценить перевод В. Пушкина, приведем французский текст песни «Ах ты сад ли мой садочек»:

«Beau jardin, toi qui fais mes délices, d'où vient que tu fleuris si vite, et que tu te fanes sitôt? d'où vient que tu couvres la terre de tes feuilles? Je n'entends plus que la voix du rossignol, dont les tendres chansons navrent mon coeur de tristesse! Hélas! ce coeur sensible brûle sans feu, et se consume sans flamme! Mon bien-aimé est toujours présent à mes pensées. Je l'ai connu et je l'ai aimé. Qui n'aurait pas fait comme moi? On aime sans peine, mais on oublie difficilement, on se sépare avec douleur! un instant m'a donné un amant chéri; des siècles ne suffiraient pas pour l'effacer de ma mémoire! [8, с. 265].

(Прекрасный сад, ты, который был моей отрадой, отчего ты цветешь так быстро и отцветашь так скоро? Отчего ты покрывашь землю своими листьями? Я не слышу больше ничего, кроме пения соловья, чьи нежные песни разрывают мое сердце от тоски! Увы! Это чувствительное сердце пылает без огня и сгорает без пламени! Мой любимый всегда в моих мыслях, я узнала его и полюбила его. Кто бы не поступил так же, как я? Мы любим без усилий, забываем с трудом, а расстаемся мучительно! Мой возлюбленный дал мне мгновение, веков не хватило бы, чтобы стереть его из моей памяти!) (перевод мой. – Н. Р.).

В русском варианте эта песня звучит так:

Ах ты сад ли мой садочек,
Сад зелено винограде,
Мое милое гулянье,
Ты к чему рано опадаешь?
Землю ты листом устилаешь,
Одна пташечка в садочке
Жалко песни воспеваешь,
Мое сердце надсаждает,
Уж и так мое сердечко
Без огня совсем сгорело
И без поломя сотлело,
Мне легко друга нажити,
Тяжело его забыть;
Нажила я друга часом,
И единою минутой
Не забыть его веками,
Не забыть его до смерти [8, с. 265].

Сравнив перевод В. Л. Пушкина с оригиналом, можно сделать вывод, что он передает только лишь содержание песни, пересказывая его, и игнорирует при переводе особенности поэтического стиля и народной поэтики. Передавать просторечье он не мог, поэтому в соответствии с карамзинистскими нормами очистил текст от всего «вульгарного». Василий Львович усилил лиризм песни, акцентируя женское

начало лирического «я». Тоска покинутой девушки выражена здесь очень поэтично, так что В. Пушкин совершенно правильно «адаптировал» фольклорную поэзию к вкусам образованного французского читателя.

Василий Львович и после путешествия в Париж продолжает интересоваться французской культурой. В своих письмах П. А. Вяземскому, с которым его связывали дружеские отношения, он интересуется театральной жизнью Парижа, оценивает игру французских актеров, а также говорит о французских спектаклях, которые проходят в России. Так, в письме от 20–21 февраля 1818 г. он упоминает такие спектакли, как «Les Ricochets de Picard» («Рикошеты»), одноактная комедия французского драматурга Луи Франса Пикара и «Le Tresor suppose, opera comique» («Предполагаемое сокровище», комическая опера французского композитора Этьена Мегюля). Он рассказывает также, как на вечере у Нарышкина играли «Адольфа и Клару» («Adolphe et Clara, ou Les deux prisonniers», комическая опера Марсолье).

Если в «Письме русского путешественника» Париж предстает через путевые заметки В. Пушкина, то в письмах к Вяземскому можно проследить влияние французской столицы на жизнь русского общества и самого писателя. Василий Львович интересуется французской литературой: неоднократно просит своего друга прислать ему книгу «L'Histoire de France pendant le XVIIIe siècle par Lacretelle». В письмах он говорит о своих читательских предпочтениях: «Бывало и я читывал Расина, Вольтера, Дюсиза, и читывал изрядно» [9, с. 234]. В. Пушкин рьяно защищает французскую литературу и обвиняет тех, кто негативно отзывался о ней: «Полевые пишут непрестанно нелепости насчет французской литературы, с презрением говорят о Гомере, называют Анакреона пьяницею, а Горация шалуном, восхищаются Фальстафом и уродливыми творениями Шекспира. Это происходит оттого, что они французской литературы не понимают, да и в Шекспире любят только то, чего любить не должно» (П. А. Вяземскому. 11 июня 1829 г.) [9, с. 236]. Любимым поэтом писателя был автор искрометных песен французской революции П.-Ж. Беранже. В. Пушкин всегда стремился к межкультурному обмену России и Франции, поэтому он перевел на русский язык одну из песен Беранже и басни Буассара (Boissard) («Голубка», 1806; «Вяз и репейник», 1807).

Василий Львович, говоря о содержательницах московских частных пансионеров Мадам Перне и Мадам д'Оррер, упоминает в письме от 21 апреля 1819 г. о французском воспитании в России, которое было неотъемлемой частью жизни русского дворянства того времени. Французский учитель был важной фигурой образованного общества XIX в. Традиция выписывать из Франции гувернеров для дворянских детей зародилась вместе с ориентацией светской знати на французские культурные эталоны.

В. Пушкин неоднократно использует французские выражения и идиомы, например «comme le Pont-Neuf» [9, с. 224], что в переводе с французского означает «отлично себя чувствовать»; «ce qui est differe, n'est pas perdu» [9, с. 227], французская пословица, которая означает «что отложено – не потеряно», и др.

В письмах к Вяземскому Василий Львович продолжает положительно отзываться о французской столице и обо всем французском. Однако он не рабски преклоняется перед чужой культурой, а отбирает только то, что считает ценным и полезным как для своего собственного образования, так и для просвещения будущего поколения.

События Отечественной войны 1812 г. повлияли на его отношение к французам. Война и пожар в Москве были для него страшным и неожиданным ударом: французы под предводительством Наполеона оказались не столь ласковы, как показалось Василию Львовичу в Париже. В этот период своей жизни он не изменит своим привычкам говорить и писать по-французски и чтить французских литераторов. Даже несмотря на то, что позднее Василий Львович скажет в письме от 19 сентября 1819 г.: «Вот каков Париж! Как же не любить его?» [9, с. 231], в его письмах будут появляться и негативные отзывы о французах. Так, в письме к Вяземскому от 18 ноября 1813 г. он пишет: «Полночный Орел раздавил мерзких коршунов, и французы никогда не дерзнут более вступить в Россию. Военные наши подвиги меня при-

водят в восхищение, и я надеюсь, что теперь все галломаны должны молчать» [9, с. 216]. А в сборнике афоризмов «Мысли и характеры» (1815), рассказывая о некоей молодой богатой русской вдове, он с иронией говорит о галломании. Героиня, мечтающая о загранице, с восхищением представляет любого иностранца. Познакомившись с шевалье N., который приезжает в Москву, она отмечает его воспитание, ловкость в обхождении. «Видно, что он воспитан в Париже, а не с урангутанами?» [10, с. 118], – отмечает она. Однако выясняется, что этот благородный француз – всего лишь бродяга, которого разоблачает полиция. И здесь Василий Львович иронизирует: несмотря ни на что, Дельфина продолжает горевать о том, что она не француженка.

Таким образом, можно сделать вывод, что В. Пушкин не был истинным галломаном, который слепо копирует французские эталоны и рабски преклоняется перед всем иностранным; напротив, Василий Львович предстает как человек, восприимчивый к чужой культуре, который вместе с тем чувствует себя всегда русским и этим гордится:

Мой разум просвещен, и Сены на брегах
Я пел любезное отечество в стихах.

Не улицы одни, не площади и дома –

Сен-Пьер, Делиль, Фонтан мне были там знакомы:

Они свидетели, что я в земле чужой.

Гордился русским быть и русский был прямой [5, с. 140].

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1984. 527 с.
2. Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. 589 с.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 12. М., 1996. 588 с.
4. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1980. 606 с.
5. Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. 368 с.
6. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 1. СПб, 1878. 537 с.
7. Доманский В. А. А. С. Пушкин и В. Л. Пушкин: диалог поколений и культурных эпох // Русская литература в современном культурном пространстве: мат-лы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию филол. фак-та Томского гос. пед. ун-та (2–3 ноября 2006 г.) Т. 1. Томск, 2007. С. 35–43.
8. Трубицын Н. Н. Из поездки Василия Львовича Пушкина за границу (1803–1804 гг.) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19/20. С. 239–269.
9. Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Л., 1983. 360 с.
10. «Арзамас»: Сборник: в 2 кн. Кн. 2. М., 1994. 639 с.

Рудикова Н. А., аспирант.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: rudi-nati@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 21.05.2010

N. A. Rudikova

A RUSSIN «PARISIAN» VASILI LVOVICH PUSHKIN

The article reveals the image of Paris in V. L. Pushkin's creative consciousness, exposes some peculiarities of his France culture and Paris perception. The poet and Alexander Pushkin's uncle, he represents a new type of the Russian nobleman consciousness, who doesn't worship thoughtless everything foreign but comprehends European culture achievements independently.

Key words: *cross-cultural communication, Francomania, Paris's image, the Enlightenment ideas, «one's own – foreign» opposition.*

Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634050.

E-mail: rudi-nati@yandex.ru